

Elvira Sorokina

Семантические процессы в лексике национального языка как отражение развития национальной культуры

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 4, 217-228

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Elvira Sorokina

*Московский государственный областной университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Москва, Россия
ellasor@mail.ru*

Ключевые слова: *антропологистика, значение слова, мышление, язык, связь слова с понятием, национальная культура, словарь, семантическая структура слова*

Одним из влиятельных современных направлений лингвистических исследований, объединяющих российскую и польскую науку, является антропологистика, изучающая развитие ментальности и культуры человека. В 2014 году исполняется 10 лет существования данного направления в польском и в русском языкознании.

В современных языках семантическая структура слова «культура», заимствованного из латинского языка, представляет собой совокупность большого количества смыслов. По подсчетам исследователей [Ковлягина 2012; Садохин 2012] данное слово в русском языке способно иметь более 500 значений. Слово «культура» используется практически во всех научных дисциплинах и имеет в каждой отрасли своё собственное специальное понятие (*зерновая культура, материальная культура, духовная культура, культура общения, национальная культура, культура речи* и т. д.). В наиболее обобщённом виде значение этого слова можно представить так: культура – это то, что создано человеком; культура – это созданная человеком часть окружающей среды.

Принцип антропоцентризма, охвативший своим влиянием практически все науки, проявился в языкознании формированием таких направлений, как антропологистика, лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации, многочисленные когнитивные направления (когнитология, когнитивная лингвистика, концептология, когнитивное терминоведение) и т. д. Взаимоза-

висимость *языка и культуры* проявляется в понятии, обозначенном термином «лингвокультура», введенным в научный обиход в конце XX века американским антропологом Паулем Фридрихом (1989).

Согласно недавно вышедшему словарю терминов межкультурной коммуникации (Словарь МКК), термин «лингвокультура» обозначает «предмет антропоцентрической лингвистики, рассматриваемый как неразрывное целое языка и культуры, проявляющееся в национально-культурных компонентах» [Жукова, Лебедев, Прошина, Юзефович 2013: 227].

Многочисленные работы по лингвокультурологии подчинены задачам изучения отношений, складывающихся между материальной культурой, менталитетом этноса и национальным языком. И для этого используется анализ и осмысление данных исторического развития национальных лексических систем.

Возможность исследовать историю развития культуры и ментальности человека на основе истории развития лексики была замечена достаточно давно. Способность лексики отражать особенности культуры нации и особенности формирования национального менталитета отмечалась ещё в прошлые века.

История лингвистики дает нам факты, позволяющие указать на то, что отношения между семантикой слов и обозначенных этими словами понятий занимали умы многих философов. Ещё в XVII веке автор вышедшего в 1678 году «Словаря средневековой латыни» (*Glossarium ad scriptores mediae et infimae*) Шарль дю Фреш дю Канж (Charle Du Fresne du Cange) обнаружил, что средневековая латынь значительно отличалась от языка древних римлян, и не столько количеством лексических единиц, сколько новыми значениями. Автор пришел к выводу о том, что анализ новых слов, появившихся в Средневековье, дает возможность познать обычаи и повседневную жизнь именно этого периода [Bartlett 2002: 11-12].

В начале XX века австрийский языковед Гуго Шухард положил начало направлению лингвистических исследований, получившему название «слова и вещи». Суть этого направления заключалась в необходимости комплексного изучения *слова* и обозначаемой им *вещи* в их развитии, поскольку история слов одновременно является и историей культуры [Нелюбин, Хухуни 2008: 155-156].

В начале 30-х годов XX века немецкий лингвист Йост Трир впервые применил метод семантического поля к исследованию истории развития немецких слов, относящихся к понятию «разум». Применение этого метода стало весьма популярным, о чём свидетельствует наличие около 500 защищённых диссертационных исследований, посвящённых истории развития слов и терминологий, в том числе 110 работ по анализу семантических полей [Гринев-Гриневиц 2008: 293]. И что удивительно, во множестве публикаций, касающихся исследований Й. Трира и его метода семантических полей, включая монографии, учебники по истории языкознания и энциклопедические статьи, содержится много критических замечаний в его адрес, но практически нет информации о существе его анализа.

В исследовании, проведенном Й. Триром и его учениками, сопоставляется состояние немецкой лексики семантического поля «ум, знания», относящейся к началу XIII и XIV веков. Были замечены изменения в структуре поля и в значе-

ниях составляющих его слов, что позволило авторам указать на первые признаки появляющегося кризиса феодальной системы, приведшего к разделу Германии на множество мелких государств и к снижению престижа религиозных знаний. Это исследование показало возможность использования данных об исторических изменениях словаря для анализа и реконструкции процесса развития культуры. К сожалению, этот наиболее значительный результат работы Й. Трира не получил должного внимания, и последующие многочисленные исследования подобного рода носят преимущественно описательный характер без попыток осмысления и интерпретирования полученных фактов.

В начале 60-х годов XX века возможность использования данных об исторических изменениях лексики для изучения развития мышления как отдельного человека, так и целого этноса, заинтересовала историков. В одном из первых программных сочинений по истории ментальностей виднейшего французского медиевиста Жоржа Дюби – в статье «История ментальностей» – отмечается: «История ментальностей не может развиваться без помощи лексикологов. Они могут дать ей фундаментальные данные, например, перечни слов, употреблявшихся в ту или иную эпоху. Задача истории ментальностей – выявить вербальные констелляции, отражающие главные сочленения коллективного сознания. Необходимо рассмотреть изменения словаря, установить потери, приобретения и трансформации в значении слов и выявить связь этих изменений с колебаниями в сфере ментальностей» [Дюби 1996: 20].

В конце XX века на способность лексики отражать особенности исторической, в частности, средневековой культуры обратили внимание российские историки. По мнению А.Я. Гуревича, к основным универсальным категориям культуры, «без которых она невозможна и которыми она пронизана во всех своих творениях», следует отнести «определяющие категории человеческого сознания. Мы имеем в виду такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому. <...>. Эти категории запечатлены в языке, а также и в других знаковых системах (в языках искусства, науки, религии), и мыслить о мире, не пользуясь этими категориями, столь же невозможно, как нельзя мыслить вне категорий языка» [Гуревич 1972: 12].

Наиболее яркое отражение особенности развития культуры находят в семантических процессах и явлениях, происходящих в словарном составе национального языка, в его семантической системе. Так, например, известно, что древнее шумерское слово «дингир» имело два значения *звезда* и *бог*. Следовательно, можно говорить о том, что в понимании древних шумеров, т.е. в их мышлении, соединились понятия «бог» и «звезда». Стало быть, религиозные представления древних шумеров связаны с небом как местопребыванием богов.

На то, что развитие мышления, отражённое в языке, имеет общечеловеческий характер, не зависящий от принадлежности к определенной национальности, указывают черты сходств в номинации некоторых явлений в разных языках. Так, например, слова «дверь» и «door», являющиеся ядерными компонентами в русской и в английской терминологиях «Окна и двери», имеют один общий корень индоевропейского происхождения. Ядерное слово русской тер-

минологии – «окно» – происходит от старославянского слова «око», позднее заменённого словом «глаз», так же, как его английский эквивалент «window» происходит от сочетания «*глаз ветра*» («*wind's eye*»).

Следовательно, у древних славян и у древних германцев проем в стене жилища ассоциировался с представлением, которое можно охарактеризовать в обобщенном виде как «*зрение, смотреть, видеть, заглядывать, рассматривать».

Семантическая система национальных языков способна отразить одновременно как наивные представления общенародного мышления, так и современные представления, основанные на поступательном развитии научных знаний.

Вполне очевидно, что следует различать такие понятия, как *национальное мышление, общественное мышление и индивидуальное мышление*.

Термином «национальное мышление» следует обозначать обобщённое представление об окружающем мире, свойственное всей нации, говорящей на этом языке. Синонимами данному термину являются термины «общенародное мышление», «общенациональное мышление». Результаты языкового отражения национальным мышлением восприятия окружающей среды представлены в толковых словарях.

Общественное мышление – это восприятие окружающего мира, свойственное отдельным социальным группам. Оно может отличаться от национального мышления. И вербализация результатов осмысления при помощи языковых средств может быть иной, отличающейся от национального мышления. Своим особым общественным мышлением способны обладать члены политических организаций, члены профессиональных объединений, члены возрастных сообществ (студенчество, молодежь, школьники). Ярче всего *общественное мышление* представлено в отраслевых профессиональных словарях.

Индивидуальное мышление принадлежит каждой языковой личности.

В особенностях развития семантики языковых единиц (и прежде всего – лексических единиц) проявляют себя все выделенные типы мышления. Но в силу определенных обстоятельств особой силой может обладать общественное мышление, результаты которого потом закрепляются в общенародном национальном мышлении.

В этом смысле показательной является история индоевропейского корня *VED-, который сохранился практически во всех германских и славянских языках, испытав при этом определенные преобразования своего значения под воздействием мышления и фактора времени.

В русском языке этот корень сохранился в глаголе «ведать», в семантическую структуру которого составными компонентами входят такие смыслы, как «знания», «умения», «навыки», «знать» («он не ведает, что творит = он не знает, что творит») и т. д.

Образованные от этого глагола слова *отведать, заведовать, проповедовать, изведать, выведать, весть, известие, проведать, отведавать, ведомство, ведение* своими значениями позволяют расширить диапазон основного смысла «знать» такими смысловыми компонентами, как *руководить, узнать, узнавать, обучать, предупреждать* и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что большая часть слов, произведённых от корня «ВЕД-», в современном русском языке входит в активный запас русской

лексики, являющейся одним из средств обучения русскому языку, а значит, – и средством формирования мышления, средством формирования языковой культуры у обучаемых.

Но от данного корня образованы и такие слова, как ВЕДЬМАК и ВЕДЬМА, созданные наивным мышлением славян. С одной стороны, ВЕДЬМАК и ВЕДЬМА – это люди, обладающие знанием, мудрые, опытные. С другой стороны, ВЕДЬМАК и ВЕДЬМА – это злые люди, общающиеся с потусторонней силой.

Следовательно, за многовековую историю существования в русском языке слова ВЕДЬМАК и ВЕДЬМА испытали преобразование своей коннотативной окраски с положительной (тот, кто ведает = тот много знает, мудрец, умный, опытный) до отрицательной.

Надо отметить, что мужской вариант данного слова уже давно архаизирован, встречается очень редко в современной письменной и устной речи и наблюдается только в специализированных текстах (фольклорные произведения, литературоведческие и искусствоведческие исследования, лексикографические издания). В современных словарях даются абсолютно тождественные значения слову *ведьмак* – колдун, оборотень, знахарь.

В искусствоведческих работах отмечается, что слово ВЕДЬМАК, присутствующее в украинском (*видьмак, видьмар, видьмун*) и в белорусском (*ведзьмак, ведзьмар*) языках, обозначая колдуна, соответствует персонажу славянской мифологии и демонологии. ВЕДЬМАК является начальником над ведьмами определённой местности, может действовать заодно с ними или, наоборот, защищать людей от проделок ведьм, может лечить болезни людей и животных.

В фольклорной культуре славянских народов сохранилось представление о том, что ВЕДЬМАК, обладая магическими способностями, может по своему усмотрению оборачиваться мотыльком, конём, волком или другими животными. По поверьям, ВЕДЬМАК, как и другие колдуны, может быть «прирождённым» или «наученным». У «прирождённого» ведьмака может не быть бороды, усов, зато присутствует маленький хвостик, а отражение в зрачках глаз перевернуто вверх ногами. А «обученный» ВЕДЬМАК ничем не отличается от нормального человека.

Следовательно, в культуре славян присутствовала вера в то, что ВЕДЬМАК свои способности может иметь ещё при рождении, но может их получить от другого. Иначе говоря: обучиться этому делу, получить знания. Перед смертью ВЕДЬМАК должен передать свои знания другому человеку. Наивные представления славян связывали со смертью ведьмака явления засухи или нескончаемых дождей.

В грамматическом отношении слово «ведьмак» как существительное мужского рода соответствует слову женского рода со сходной этимологией – «ведьма». Слово «ведьма» также присутствует во многих германских и славянских языках, и также представляет собой явление национальной культуры.

В словаре В.И. Даля слова *ведьмак* и *ведьма* находятся в словарной статье глагола *ведати*. Следует отметить, что В.И. Даль приводит в качестве синонимов к анализируемым словам такие, как *ведун* (м.р) и *ведунья* (ж.р), сопровождаемая их определениями «колдун, волшебник, знахарь, ворожея». Примечатель-

но то, что в XIX веке, когда В.И. Даль собирал языковой материал для своего словаря, во многих губерниях России того времени (например, в Новгородской) у слова «ведьма» был компонент значения «чародейка».

Удивительно, но лингвокультурный концепт «знание, умение, навык», присутствующий в семантической структуре слова «ведьма», приобретал в наивном мышлении всего народа отрицательный оттенок не только в мышлении славян. Подобная картина преобразования коннотативной оценки значения слова «ведьма» наблюдается в эпоху Средневековья у германских и романских народов. Но даже в страшные времена инквизиции находились люди, которые не боялись освятить в своих трудах истинное значение слова «ведьма». Таким ученым был Генри Мор, философ из Кембриджа, который написал в XVII веке трактат по колдовству и объяснил само значение слова *ведьма*. В английском языке слово «witch» (ведьма), согласно толкованию Генри Мора, означает не более чем «мудрая женщина». Это слово произошло от английского глагола «weet», что означает – *знать*. Поэтому «witch» («ведьма») означает просто «*знающая женщина*». Это определение – как зеркальное отражение значений славяно-русских слов *ведьма* и *ведун*. И то, и другое слово происходит от глагола «ведать, знать». Те же значения имеют эти слова в немецком, в греческом и в англосаксонском языках.

Изменение коннотативной оценки значения рассматриваемых слов в сторону отрицательную, по-видимому, произошло у древних славян в силу того, что «знания, ведание» наводили ужас на людей. Культура древних славян находилась под гнетом суеверного представления о том, что все природные изменения погоды и изменения здоровья людей – это проявление силы Бога. И предсказывать стихийные бедствия, а тем более – управлять ими или готовиться к их приходу, а также и лечить больного человека, устранять недуги никто, кроме Бога, не может. Такое понимание жизни поддерживала религия: человек должен воспринимать беды как наказание за грехи. Значение «мудрая женщина» у слова «ведьма» в русском и в польском («wiedźma») языках утратилось, а закрепилось другое: «ведьма – это та женщина, которая использует дьявольские силы».

Языковая культура современных славянских и германских народов сохранила наивные древние представления о том, что, обладая знаниями, человек приобретает огромную нечеловеческую силу. Используя слова *ведьмак*, *ведьма*, современный человек как бы поддерживает мнение, созданное наивным мышлением.

Следовательно, слова «ведьма, ведьмак» своим присутствием в лексике национального языка подчеркивают, во-первых, что в семантической системе современных языков сохраняются элементы наивной культуры древних народов, созданные наивным мышлением этноса, во-вторых, указывают на свойственную разноязычным народам тождественность процессов мышления, отражающихся в развитии языковой культуры.

Исследование исторического развития семантики отдельных слов позволяет говорить о том, что изменения в общей семантической системе языка и в семантической структуре отдельного слова всегда связаны с конкретными определенными реалиями культуры.

В историческом развитии семантической системы языка важным является фактор времени, проявляющийся в разных видах устаревания лексем. Под влиянием изменившихся социально-культурных условий, а стало быть – и под влиянием общественного мышления, устаревшими могут стать как слова в целом, так и отдельные смыслы их значения.

Интересной с этой точки зрения представляется история слова «пионер», французского по происхождению и присутствующего в лексике практически всех европейских языков. Первоначальное его значение связано с понятиями «первопроходец, начинатель, тот, кто первым положил начало чему-либо».

Более полувека данное слово в русском языке использовалось под воздействием общественного мышления, принадлежащего определенным социальным группам людей, в значении «член детской политической организации». Общественное мышление, свойственное определенной социальной группе, отразилось и в общенародном мышлении советских людей. Русский язык диктовал всем говорящим, в том числе и иностранцам, изучающим русский язык, использовать слово «пионер» в этом значении. У нескольких поколений российских граждан воспитывалось мышление под воздействием родного языка, имевшего в активном запасе лексики большое количество так называемых *советизмов*, отсутствие которых как в самом языке, так и в национальном мышлении тогда не представлялось.

Но изменения в культуре российского общества привели к тому, что многие советизмы прекратили свое существование в активном запасе лексики (либо превратились в историзмы, либо архаизировались), и современный русский язык уже не навязывает их употребление в речи говорящим на русском языке. Так, например, *Современный словарь иностранных слов* под редакцией Л.П. Крысина [2012] значение «член детской коммунистической организации в СССР» у слова «пионер» сопровождает пометами «ист», «В прошлом».

Следовательно, изменения в культуре общества под влиянием изменяющегося национального мышления отражаются в лексическом составе языка, в его семантической системе. И язык, уже имея обновленную семантическую систему, изменившуюся свою национальную картину мира, при обучении воспитывает иначе, создает в мышлении обучаемых иную картину мира.

Влияние общественного мышления на языковую культуру можно продемонстрировать и историей преобразования семантической структуры таких слов в лексике русского языка, как *дума*, *клуб*, *хозяин*, *собственник*. Появление новых значений у «старых» слов (т.е. создание так называемых семантических неологизмов) – тема необычайно интересная для исследования, поскольку связана не столько с явлением возрождения слов, сколько с изучением изменений в языковой картине мира и в языковом мышлении.

Практически на протяжении всего XX века в русском языке слово «собственник» имело отрицательную коннотацию. Выражения, типа *частный собственник*, *собственнические интересы*, использовались преимущественно в особой характерологической функции (с осуждением). Считалось, что в Советском Союзе собственников не должно быть. Такое понимание слова «собственник» нашло свое отражение в *Толковом словаре русского языка* под редакцией Д.Н. Ушакова:

«СОБСТВЕННИК, собственника, муж. 1. Владелец какой-нибудь собственности (преим. частной). Русские цари были крупными земельными собственниками. Класс собственников (буржуазия). 2. перен. Человек, стремящийся нераздельно обладать кем- или чем-нибудь» [Толковый словарь... 1940].

Наличие отрицательной коннотативной окраски у рассматриваемого слова отмечается и в словаре С.И. Ожегова: «СОБСТВЕННИК, а, муж. 1. Владелец имущества. Крупный земельный с. Мелкий с. 2. Человек, к-рый стремится больше иметь, поглощен собственническими интересами. С. по натуре. | жен. собственница, ы.» [Ожегов 1984: 658].

Подобное определение обнаруживается и в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова: «**собственник** – а; м. 1. Владелец какой л. собственности. Крупный земельный с. Мелкий с. 2. Неодобр. Тот, кто стремится безраздельно обладать, распоряжаться кем , чем л. Кто л. типичный с. С. в любви. < Собственница, ы; ж. Собственнический, ая, ое. С. ие права» [Большой толковый словарь... 2008].

Но с изменением политического устройства государства почти все граждане стали собственниками (жилья, автомобиля, земельного участка, дома, квартиры и т. д.). Изменения в политическом устройстве страны отразились в народном мышлении, в культуре народа, в языке. Результатом явилось то, что слово «собственник» освободилось от отрицательной коннотации, закрепилось в качестве юридического и экономического терминов, вошло составным компонентом в синонимический ряд: *собственник, владелец, обладатель, хозяин; принципал, хозяйчик, домовладелец, владелец, проприетер* (Словарь синонимов). «Собственник – владелец, физическое или юридическое лицо, обладающее правом собственности» [Словарь бизнес-терминов. Академик.ру. 2001]. «СОБСТВЕННИК – субъект собственности, физическое или юридическое лицо, обладающее правом собственности, выступающее в роли владельца, распорядителя, пользователя объекта собственности» [Райзберг, Лозовский, Стародубцева 1999].

Как показывают многочисленные исследования, архаизации (устареванию) могут подвергаться отдельные смыслы древних слов. Так, в русском языке словом «труд» обозначалось представление, связанное с понятием «мучение» [см. раб. Алексеев 1999]. Переход слова «труд» из одной концептосферы (**горестное чувство*) в другую (**работа*) относится к тем явлениям, которые позволяют ещё раз указать на индоевропейское происхождение русского языка, поскольку явление, аналогичное рассматриваемому, наблюдается в романских языках.

По мнению Р.А. Будагова, «Этимология французских слов *travail работа* и *travailler работать* считается твердо установленной со времени появления в 1888 г. в журнале „Romania” статьи П. Мейера, посвященной этому вопросу. *Travail* восходит к вульгарнолатинскому *tripalium* – особый станок, который сдерживал животных, в частности горячих лошадей, в то время, когда их подковывали. Затем *tripalium* стало означать машину для пыток, буквально „приспособление на трех сваях”. Соответственно *travailler* первоначально „мучить с помощью *tripalium*”, затем „мучить” вообще. Лишь значительно позднее возникает значение „работать”, ставшее основным в современном французском языке.

Проблема семантического развития „мучение” > „работа”, „мучить” > „работать” представляет тем больший интерес, что сходные переходы известны не только другим романским, но и другим индоевропейским языкам» [Будагов 1977 : 80].

Р.А. Будагов отмечает, что «в самом переходе значений „мучить” > „работать”, вызвавшем резонанс в разнообразных языках, нельзя не обнаружить процесса переосмысления понятия „работать” в истории общества и в истории сознания» [Будагов 1977: 81].

Следовательно, в истории французского и русского слов, обозначающих «труд, работа», произошла полная архаизация (утрата) смысла «*мучение, горестное чувство».

Как показывает анализ развития семантической структуры слов, ставших по воле мышления консубстанциональными, в этот разряд лексики входят слова, закрепившиеся в языке в самые древние эпохи существования языка. Так, в современном русском языке слово «сад», являясь консубстанциональным, одновременно может обозначать, согласно словарю С.И. Ожегова, два явления:

- «1. Участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами. *Фруктовый сад. Цветущий сад. Ботанический сад.*
2. То же, что детский сад. *Детский сад* – воспитательное учреждение для детей дошкольного возраста» [Ожегов 1984: 616].

Существующая в современном русском языке омонимия слов «сад»-1 и «сад»-2 базируется на метафорическом переосмыслении концепта «*то, что растёт, развивается по воле человека, под наблюдением человека». Не трудно заметить, что в обоих словах присутствует концепт «*активное вмешательство человека».

Но история формирования семантической структуры данного слова свидетельствует о том, что эти значения были приобретены словом значительно позднее закрепления буквенно-звуковой оболочки «сад» в языке.

Впервые слово «садъ», согласно письменным источникам, закрепилось в русском языке в 1073 году в значении «растение, дерево» в *Изборнике Святослава* (датированном 1073 годом). Исторически слово «сад» является производным от глагола «сесть, сидеть», о чём свидетельствуют данные этимологических словарей, в частности, *Краткого этимологического словаря русского языка* Н.М. Шанского, Т.В. Шанской, В.В. Иванова [1975: 399]. Авторы указанного словаря отмечают общеславянский характер корня. Глагол «садить», по мнению анализируемого словаря, обладая общеславянским происхождением, является производным от глагола, имеющего корень индоевропейского происхождения – «сесть». Следовательно, «садом» древние славяне называли «*то, что сидит» и обозначали данным словом любое *дерево*, любое *растение*. Этимологический словарь Крылова Г.А [2011] определяет данное слово как образованное от общеславянского «sedti» – «сесть» и указывает на то, что слово «сад» имело в древнерусский период еще и значение «растение».

Здесь уместным будет замечание о том, что с позиций современного речеупотребления русский человек скажет о *дереве*, что оно «стоит», о *растении*, что оно растёт. Затруднительно дать ответ на вопрос: *растение стоит* или *сидит*? Но однозначным будет ответ на вопрос: *дерево сидит* или *стоит*? – ответ: *дерево стоит*.

Собирательное значение «деревья, насаждения» или «совокупность посаженных деревьев» слово «сад» приобретает в XIII веке, о чем свидетельствует Словарь русского языка, называющий дату 1259 год. В собирательном значении слово «сад» употребляется в *Шестодневе* – памятнике XIV века. Начиная с XV века, семантическая структура слова «сад» усложняется, в ней появляются такие семантические компоненты, как «роща» (XV век), «трава, луг» (1499 г.).

Следует отметить, что до XVII века слово «сад» использовалось только применительно к ботаническим понятиям, а с XVII века отмечается словопотребление применительно к животному миру и к человеку. Компонент значения «устройство в пруду или реке для содержания пойманной рыбы» анализируемое слово получает и закрепляет в письменном тексте в 1649 году, компонент значения «огороженное место или помещение для содержания в неволе зверей» – в 1607 году. Именно это значение эксплуатируется корнем в слове «зоосад», ныне уже устаревшем в речупотреблении.

Компонент значения «воспитательное учреждение для детей дошкольного возраста» (*детский сад*) базируется на метафорическом переосмыслении семемы «огороженное место или помещение для содержания в неволе зверей». Согласно сведениям, впервые понятие «детский сад» ввел немецкий просветитель Фридрих Фребель (1782-1852). Он организовывал общества, которые назывались *детским садом*. А женщины, которые приглядывали за детьми, назывались *садовницами*. Позже они стали называться словом «воспитатель». Ф. Фребель ввел систему воспитания, которая основывалась на «природности»: детей нельзя было бить, нельзя было навязывать им свои воззрения. За ними нужно было просто наблюдать. И прививать им основные законы природы – пользуясь методикой, которая позднее получила название *Шесть даров Фридриха Фребеля* [Гуленко, электронный журнал „Школа жизни.ру”].

Следовательно, семантическая структура слова «сад» видоизменялась под действием развивающегося мышления. И эти изменения шли от смыслового компонента «*то, что сидит» (пассивное зрительное восприятие) к смысловому компоненту «*то, что посажено человеком и растет, развивается» (активное деятельное начало).

Итак, культурная тождественность современных славянских и германских языков исходит из того, что она поддерживается языковым сознанием. Национальное мышление этноса зависит от культуры родного языка, испытывающей сильнейшее влияние общественного мышления.

Взаимосвязь трех понятий «язык», «культура» и «мышление» настолько сильна, что нельзя отделить язык от культуры, мышление от языка, мышление от культуры.

Развитие мышления (как общенародного и общественного, так и индивидуального) зависит от синхронно существующего данному мышлению родного языка и подчинено ему.

Семантические процессы, происходящие в языке, всегда есть результат работы мышления. Так, под воздействием общественного мышления менялось национальное языковое мышление русского народа в начале XX века и на рубеже XX и XXI веков.

Общественное мышление политических сообществ, стоящих у власти, создает условия, в которых должен существовать язык и осуществлять свои функции (функции государственного и международного средств общения, межнационального средства общения). Эти создаваемые общественным мышлением условия – есть языковая политика государства.

Индивидуальное мышление создается по мере взросления языковой личности под воздействием обучения, а обучение ведется главным образом через язык.

На ранних стадиях взросления языковой личности ее индивидуальное мышление воспитывается национальным мышлением.

На стадии получения профессии и вступления во взрослую жизнь индивидуальное мышление испытывает влияние определенного (профессионального, политического, возрастного) общественного мышления.

Библиография

- Bartlett R., 2002, *Panorama średniowiecza*, Warszawa.
- Алексеев А.В., 1999, *История слов со значением «подавленное состояние духа» в русском языке*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Большой толковый словарь русского языка*, 2008, ред. С.А. Кузнецова, Москва.
- Будагов Р.А., 1977, *Что такое развитие и совершенствование языка?*, Москва.
- Гринев-Гриневиц С.В., 2008, *Терминоведение*, Москва.
- Гуревич А.Я., 1972, *Категории средневековой культуры*, Москва.
- Даль В.И., 1981, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Т. 1 А-З., Москва.
- Дюби Ж., 1996, *История ментальностей*, [в:] *История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах*, Москва, с. 18-21.
- Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г., 2013, *Словарь терминов межкультурной коммуникации*, Москва.
- Ковлягина С.В., 2012, *Особенности семантической структуры слова «культура» в английском и русском языках*, [в:] *Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации*, Вып. 7, Москва, с. 53-61.
- Крылов Г.А., 2011, *Этимологический словарь русского языка*, Москва.
- Крысин Л.П., 2012, *Современный словарь иностранных слов*, Москва.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т., 2008, *История науки о языке*, Москва.
- Ожегов С.И., 1984, *Словарь русского языка*, Москва.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б., 1999, *Современный экономический словарь*, Москва.
- Словарь бизнес-терминов*, 2001, „Академик.ру”.
- Садохин А.П., 2012, *Межкультурная коммуникация*, Москва.
- Толковый словарь русского языка*, 1940, ред. Д.Н. Ушаков, Москва.
- Гуленко Н., *Шесть даров Фридриха Фребеля*, „Школа жизни.ру”.
- Шанский Н.М., Шанская Т.В., Иванов В.В., 1975, *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва.

Summary

Semantic processes in the national language vocabulary as a reflection of the national culture development

The article studies the range of issues connected with the interrelations between culture, mentality and language. It is pointed out that the processes of the mentality (either individual or social and national) and the language development are interconnected and depend upon the changes in the social and cultural conditions. The national mentality of an ethnos is dependent on the culture of the native language which is subject to the powerful social mentality impact. The article claims that the mentality development depends on the native language existing synchronically to it and subordinating it.

Key words: *anthropolinguistics, word meaning, mentality, language, word and notion connection, national culture, dictionary, semantic structure of the word*